

Я и раньше много слышала о нем. Как только речь заходила о собирателях и исследователях богатейшего фольклора литовка, у меня непременно спрашивали:

- Вы знакомы с Гирш-Довидом Катцем?

- К сожалению... - начинала я и нытавила на полнейшее непонимание.

- Как, Вы живете в Беларуси, интересуетесь этой темой и незнакомо с таким человеком?

После этих разговоров, непременно сопровождавшихся словами "профессор", "Оксфорд", я представляла себе Гирш-Довида Катца убежденным сединам стариком, с трудом передвигающимся по земле от тяжести знаний, которые он навалил на себя.

Думаю, наша встреча непременно должна была произойти. Мы изучаем одно и то же сравнительно небольшое пространство, которое сегодня называют последними островками еврейского мира, оставшимися от некогда густонаселенного материка, на котором жили евреи-митваки. Недавно в минском благотворительном центре "Хасэд-Рахамим" мне дали такую справку. На 1 января 1999 года в 120 населенных

Гирш-Довид Катца, каким я себе его представляла.

- Гостей не ждете? - спросила я.

- Уже дождались, - ответил мне. - Испекли пироги, оказалась встали.

Человек могучего телосложения, в свитере, с густыми седыми волосами, спадающими на плечи, крошил на адовин пироги, а потом крошки отправлял в рот и запивал чаем. Внешне он был похож на балаголу - метельного извозчика, не хватало только сапог и картуза на голове.

Он страшно любил крошки пирога и протолкнул мне руку для знакомства:

- Гирш-Довид Катц... Вы говорите на английском, идиш? Понимаете на идиш... У меня к вам будет много вопросов... Подождите меня двадцать минут...

Вот так мой новый знакомый разрушил первый стереотип, условно назовем его "стереотип внешнего вида". И поскольку Гирш-Довид Катц - человек явно неординарный, в его биографии много парадоксального.

Он родился в Нью-Йорке в 1956 году. Мама была коренной жителем этого города. Хотя для Америки, страны эмигрантов, а тем более для Нью-Йорка - города, который является перевалочной базой для всего мира, слово "коренной" звучит более чем странно. А уж тем более, если и твоя бабушка родилась здесь же, в Бруклине, тебя можно показывать как достопримечательность Нью-Йорка. Кстати, в классе Гирш-Довид был единственным учеником, который мог про себя сказать: "Я - местный".

Но не огромный, шумный, потрясающий воображение Нью-Йорк стал духовной гаванью молодого парня. И когда пришлось расстаться с этим большим городом, Катц сделал это без особых усилий над собой.

- Я нону няя своего деда, Гирш-Довид, хотя никогда его не видел, - рассказывает Катц. - Он умер в Америке в пятьдесят первом году. Рабочий человек, религиозный еврей. Эмигрировал в тысяча девятьсот четырнадцатом году. Потом началась война, и только через шесть лет дедушка сумел привезти в Америку бабушку с детьми. Они думали, что найдут богатого папу. Мы всегда думаем, что где-то там "золотые горы". Гирш-Довид сутками работал на швейной фабрике и огромным трудом зарабатывал на кусок хлеба.

Отец Гирш-Довида - еврейский поэт, прозаик Мейнк Катц. Он родился в тысяча девятьсот шестом году в Свинтявах (сейчас это Литва), жила в Михалшишках. Его мама и вся ее семья более ста лет жила в этом небольшом, очень красивом, живописном местечке Виленской губернии (теперь это Беларусь). Когда-то этот населенный пункт называли "городок, недалеко от Вильно". Естественно, говорилось это на идиш, потому что 98 процентов населения Михалшишек были евреи. Правда, ни один из обитателей не говорил "местечко - штетт", он обязательно говорил "город - штот". И делалось это то им от любви к родному месту, то ли от любви к себе, а скорее всего, и от того и от другого.

Мейнке Катц выпустил восемнадцать книг. Как раз поровну, девять на английском, и девять на идиш. В стихах значительное место занимает колорит еврейского местечка. Это была его колыбель, его песня, его жизнь. Стихи переводились на французский, испанский, русский языки. Несколько стихотворений переведены даже на японский язык. Есть переводы на белорусский. Автор этих переводов - учитель и краевед из Михалшишек Михаил Кемуровский, опубликованы они были в 1993 году в Островцевой районной газете.

Мейнке - это уменьшительное имя, но в местечках вокруг Вильно было много евреев, которых родители называли таким именем.

- Когда народ живет в местечке сто лет, у этого населенного пункта появляется свой характер, а у его жителей, говоря современным языком, особый менталитет, - рассказывает Гирш-Довид Катц. - Это было особенностью нашей жизни в Восточной Европе, потому что каждое местечко было целым миром.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ОКСФОРДА

Гирш-Довид Катц. Фото 1999 года.

пунктах Беларуси проживало всего лишь по одному-единственному еврейцу. Среди этих населенных пунктов - местечки, когда-то хорошо известные еврейскому миру: Диска, Борковия, Индура, Мир, Добруш, Лукомль и другие. К началу 2000 года этих населенных пунктов оставалось 89. Я не хочу произносить грустные подсчеты. Но если сейчас, в ближайшее время, не запечатлеть воспоминания этих людей, легенды, предания, песни, которые мы передаем по наследству, не зафиксировать их родной язык, его местные диалекты, последние островки этого мира безвозвратно будут поглощены гулными океана времени.

...В один из зимних вечеров у меня дома раздался телефонный звонок. Со мной говорили из Вильноса. Спросили, смогу ли я найти время, чтобы встретиться с Гирш-Довидом Катцем. Он отправился в очередную экспедицию по Беларуси и непременно хочет приехать в Витебск.

Как можно было отказаться от такой встречи. И отложив все дела, на следующее утро я отправился в синагогу, где и должно было состояться наше знакомство.

Когда я пришел, молитва была закончена и несколько десятков мужчин и женщин почтеннейшего возраста собрались в трапезной за столом. Постоянных посетителей синагоги я хорошо знал и стал всматриваться в новые лица. Овни сидела с края стола, другой - рядом с синагогальным старостой. Но ни тот, ни другой не был похож на

Меняе Катц очень хотел, чтобы его сын знал идиш, и разговаривал дома только на этом языке. Во время одной из бесед Гирш-Довид признался: "Сейчас понимаю, каким богатством я овладел, благодаря отцу. Все мои сверстники общались на английском, иврите и считали, что этого достаточно. И дома был английский, и в еврейской школе, где я учился, - был английский. Идиш забыли. Я вырос в Нью-Йорке, там прошла моя юность, но отец много рассказывал мне о Михаелисах, Светинах. Это были местечки с собственной цивилизацией. Они были непохожи на все остальные, во всяком случае, так казалось моему отцу. И я в детстве представлял себе Михаелишки, как какой-то сказочный край, где еврейские разговаривали на иврите и арамейском, вели мудрые беседы о Талмуде и Торе, а все крутом разговаривали на таком красивом языке идиш, что казалось, все местечко поет. И ждало там очень много колоритных типовых, которые сами так и просились на страницы книг или полотна художников. А сколько интересных историй, фантазий отец рассказывал мне. Жизнь в Нью-Йорке, мы с ним как бы совершали ежедневные путешествия в Михаелишки".

Иногда Гирш-Довиду казалось, что все откровенно рассказывал - это вымывало. Но однажды он услышал историю о том, как его родственника Янкема ударили ножом. Это сделал другой еврей. В мир еврейских местечек вырвались новые отношения. Иногда это происходило очень болезненно. Ломались старые устои. Убили Янкема из-за девушки. Гирш-Довид идеализировал местечко и думал, что такого там быть не могло. Чтобы один еврей ударил ножом другого, это не укладывалось в голову. Тот, кто ударил ножом, был сыном фельдшера. Фельдшер со своей семьей быстро уехал из местечка, сначала в Вильню, а затем в Америку. И с годами тот самый мальчик стал известным врачом.

Когда в тысяча девятьсот девяносто году Гирш-Довид впервые приехал в Михаелишки и стал беседовать с самыми почитаемыми жителями - поляками, белоруками - они вспоминали эту историю. Оказалось, что майски имели под собой реальную почву.

Местечко, находящееся за тысячами километров от вселенского Нью-Йорка, стало духовной пристанью молодого города, а язык идиш, забытый, оставленный для обвинения немощным старикам, отодвинутый на лингвистические задворки, он увидел во всей его красоте, мощи, величии. И влюбился в него. Это была по-настоящему сильная любовь, ради которой Гирш-Довид готов был идти на любые жертвы.

Внешне, где он продолжал свою учебу, отношение к языку идиш было, мягко говоря, снисходительным. Утверждали, что это жаргон. Убогий язык нашего изгнания. Он не нужен сейчас, когда у евреев появилось свое государство и возродили язык предков - иврит. Эти слова каждый раз повергали в шок студента нешвыи. Он не понимал, почему должны вступать в противоречия иврит и идиш, почему оба языка не могут продолжать развиваться, ведь они не мешают друг другу, даже наоборот - пополняют словарный запас. Молодому парню было невдомек, что хитрой политике до всего есть дело. Политика диктовала еврейскому миру, какому языку следует отдавать предпочтение, а какой язык объявить уходящим. Однажды Гирш-Довид Катц не выдержал. По его инициативе собралось более пятидесяти студентов, и они написали петицию в защиту языка идиш. Молодые люди просили внести в расписание факультативные занятия по этому предмету. Разразился скандал. Гирш-Довид Катц хотел отчислить из числа студентов, говорили, что он смущает и таким не место в религиозном учебном заведении... "Должен быть порядок, - повторяли преподаватели. - Должно быть подчинение старшим. У нас не светский университет, где студенты могут говорить все, что им заблагорассудится".

Гирш-Довид Катц ушел из нешвыи, но остался верен себе, вернее, верен языку идиш. Он поступает учиться в Колумбийский университет, где продолжает изучать язык, а в 22 года уезжает делать доктор в Англо, в Оксфорд. И работает там 18 лет. Тема Гирша-Довида Катца - идишская диалектология.

Достаточно узнать избранную тему, чтобы предугадать ученому дальнюю дорогу. Вернее, путь от местечка к местечку, от города к городу, где еще живут евреи. Похоже, Гирш-Довид Катц нравится такая жизнь. Он неприхотлив в еде, хотя стороной обходит мясо,

его не смущают такие районные гостиницы, где на пару с постояльцами прописаны тараканы, знаменитый русский мороз только бодрит его, а водка и даже чистый спирт уже давно не страшат.

Гирш-Довид Катц удивительно быстро находит общий язык с незнакомыми людьми. Может быть, это профессиональное качество, выработанное годами, а может - черта добродушного характера. Так или иначе, но в ивритской свитке буквально через полчаса у Гирш-Довида Катца были все в друзьях. Включили видеокамеру, учебный подстраховал себя диктофоном, и началось интервью. Вышеуказанный, кто из сидицях за синим-зеленым столом коренной ивритобин. Потом спросил, кто хорошо знает идиш. А поскольку каждый еврей, даже если он не прочитал за свою жизнь ни одной книги, считает себя знатоком во всех еврейских вопросах (во всяком случае, он непременно должен заметить, что у них это делали не так, а по-другому), то тут же вместо ответа последовали вопросы. "Ну, хорошо, идиш на Украине и в Беларуси был разным, но что Витебск, что Сураж, что Ювоничи, какая разница? Почему вы ищите именно ивритобин?" Гирш-Довид Катц понимающе кивнул головой и как бы между делом прочитал популярную лекцию.

- Язык народа надо искать там, где он жила, а не там, куда по разным причинам переехали или эмигрировали люди. В их языке появляются новые интонации - это естественно. Если ты хочешь узнать, как говорят в Лиозно, надо искать одного носителя языка в Лиозно, а не десять выходящих из этого города, которые сейчас живут в Петербурге или Иерусалиме. Когда человек переезжает в другой город, диалект у него становится другим. Однажды я делал интервью с двумя сестрами, - вспоминал Гирш-Довид Катц. - Одна жила в Мяделе, а вторая еще до войны переехала в Америку. Обе разговаривали на идиш. Но если судить по языку, трудно даже предположить, что они родные сестры.

Вслушавшись Гирш-Довид, еврей согласно кивал головой, и тут же каждый стал высказывать свои примеры. И если много евреев одновременно с чем-то соглашались и не возникало спора, значит перед ними большая личность...

Ученый спрашивал у людей обычные вещи. Ничего мудреного. Как на идиш звучат слова "потолок", "пол", "репейник"... У Гирш-Довида Катца были заготовлены таблицы, где заранее записано слов двадцать-тридцать. Показывал люди, выросшие на языке идиш, терпели и смущенно оглаживались по сторонам в поисках поддержки. Они забыли, как звучат многие слова на их родном языке...

Закончив филологические упражнения, ученый начал спрашивать своего собеседника о вещах, казалось бы не имеющих прямого отношения к фольклору, диалектологии.

- Каким был город во времена его юности? - или и того лучше - Какие наряды Вы носили? Как познакомились с будущим мужем? Ваш свекровь калам много лука в фаршированную рыбу?

И начинался поразительный спектакль. Люди, еще час назад не знавшие о существовании друг друга, начинали рассказывать о своей жизни с такими подробностями, которые вряд ли исповеданы девятим или тем более вестью спешащим внукам. И не смущал их ни включенная видеокамера, ни диктофон.

Интервью, естественно, затягивалось. Ждала Гирша-Довида Катца не двадцать минут, а всех полчаса часа. Но насколько об этом не жалко. Я слышал красивую идиш, узнавая поразительные истории, каждая из которых может стать хорошим рассказом...

Естественно, я спросил у него, какая цель его ждущий, какие собеседники интересны для ученого.

Гирш-Довид Катц понимающе кивнул головой. И стал рассказывать.

- Я обязательно каждый год выбираю одну неделю или две, чтобы приехать в Беларусь. Езжу по местечкам. Приезжаю и постоянно слышу: "Как жаль, что вы в прошлом году не были в прошлом месяце не приехали. Тот умер, того уже нет, тот уехал. Я старюсь сделать то, что еще возможно. Основная моя работа - составление атласа языка идиш. Это сугубо научный труд. Беларусь - центр моей работы. Здесь сохранилось больше носителей языка идиш, чем, например, в Литве или

Польше.

Гирш-Довид интересно рассказывал, но через несколько минут разговор вернулся к Михалшикам. И я начал понимать, что это место - не только духовная гавань ученого, это еще и центр его Вселенной, а весь остальной мир, может быть, придуманный им, вращается вокруг этого местечка.

- Первый раз я приехала в Беларусь в декабре 1990 года. Мне все говорили: "На надо ехать туда. Ничего еврейского ты там не найдешь. И тебя арестуют". Но я слышала слова: "перестройка", "перестройка" и решила съездить в Советский Союз.

Очень хотела прийти своему отцу видеofilmом, показать ему, что осталось от старых Михалшик. Я приехала в Вильнюс, спрашиваю "Есть ли кто-нибудь из этого местечка?". Мне отвечают: "Был один - недавно умер". Я стал ехать из города в город, из деревни в деревню. Искать евреев - выходцев из Михалшик. Наконец приехали в городок Лиутупы, это Браславский район Витебской области. Когда-то местечко было знаменитым богатым еврейским фольклором, а теперь известно - спиритизмом. Нашла я там евреев, сейчас они живут в Израиле, Зуску Остановского. Он мне говорит:

- Сначала мы выпьем за твоё здоровье.

Я отвечаю:

- Конечно, - а сам думаю, как изменятся местечковые евреи.

Зуска Остановский рассказывал, что жил в Лиутупах еврей из Михалшик. Вера он уехал в Минск. А завтра улетает на постоянное место жительства в Израиль.

Был канун католического Рождества, ни один шофер не соглашался ехать в Минск, не хотел провести праздники на заснеженной дороге. И тогда Гирш-Довид Катцу подсказали телефон Петра Иванова. Они договорились и поехали. По пути ученый рассказывал Петру историю про старого еврейского поэта из Михалшик, который много десятилетий живет в Америке. Он но все еще время видит свое местечко. Гирш-Довид сказал, что это его отец и он хочет снять для него фильм.

Они приехали в Минск, нашли Михалшинского еврея и долго уговаривали его съездить с ними в местечко. Представляете себе ситуацию. Назавтра человек улетает на постоянное место жительства в Израиль. Заботы, хлопоты. И я вдруг такое предложение. Но кое-как уговорили. За день обернулись туда и обратно. Привели человека в аэропорт прямо к самолету.

Михалшинский еврей оказался просто уникальным человеком. Он помнил все майски довоенного местечка. Видел своими глазами, как фашисты расстреливали евреев. Чудом уцелел сам. Он все рассказывал. Гирш-Довид Катца записал на видео. После поездки он спросил у Петра Иванова: "Сколько я должен тебе заплатить?" Петр ответил, что не возьмет денег, потому что хочет сделать для него доброе дело.

С тех пор Иванов - постоянный участник всех экспедиций. Он из семьи староверов, живет в литовском городе Электронвай. За эти годы Петр научился понимать язык Катца и даже чуть-чуть сам говорит на этом языке. Был в гостях у Катца в Великобритании.

Гирш-Довид привез фильм отцу в Америку. Меинке Катцу до конца своих дней ежедневно смотрел его. Он прожил еще шесть месяцев. Особенно волновали его кадры про старое кладбище. Когда снимали видеofilmом, мащевы были закрыты сеткой. Торчали только вершины памятников, а кругом - белое, ровное, нетронутое поле.

Председатель Михалшинского сельсовета, узнав, что в его кладбище приехал сын еврейского поэта, который родился в их местечке, позвал Гирш-Довида к себе. Закрыла сельсовет. Поставила на стол ощущение, воду.

Катцу приезжает в Михалшинки всякий раз, когда представляется такая возможность. Гуляет по местечку, беседует с жителями, обязательно приходит на кладбище, чтобы произнести поминальную молитву "Каддиш", звенящая в местечко Сиври. И там приходит на кладбище.

- В Михалшиках сохранились останки старинного еврейского кладбища, около двухсот мащев, - рассказывает Гирш-Довид. - В девяносто втором вместе с Петром переписали все оставшиеся памятники на этом кладбище. Сделали каталог. Я был счастлив, что хоть что-то нашло на этой земле.

У Михалшик особая аура. Не случайно отсюда вышло много творцов. Израйский поэт Адам ба-Коэн. Его называли первым модернистом, писавшим на иврите. Адам - это аббревиатура Аврам, Дов Бер, Михалшивер. Хотя сегодня многие считают, что Адам - это имя, которое он получил при рождении. Знаменитый израильский поэт Аврам Судковер родом из Сморгони, но его дедушка, реб Шаме Файнгодер, (его называли "учитель из Михалшик") был известным раввином.

В Михалшиках очень красивые места. Течет речка Вилия и величественные, густые леса. Об этих лесах сложено много легенд и преданий. Рассказывают, что в густых чащобах живет великий еврейский воин, которых привел под свои знамена еще великий литовский князь Витовт. И с тех пор они четыреста лет живут здесь. И в случае надобности приходят на помощь евреям. Эти воины крепкие, мощные, красивые, никого не боятся, могут заступиться за слабого.

Очень много теперь забыто, а вспомнить или воссоздать уже никому. Легенды, предания не записывались, передавались из поколения в поколение в устной форме. Жаль, но мы не знаем и сотой доли нашего фольклора. Красного, самобытного. А без знания фольклора трудно себе представить людей, их жизнь.

У каждого писателя есть своя "главная книга". Для Меинке Катца такой книгой стал роман в двух томах "Местечко в огне" о событиях времен первой мировой войны. Действие происходит в Светинах, Михалшиках, Сиври. Критики писали, что эта книга очень семейная и ...странная. На многих страницах рассказ о бабушке, дедушке и ни слова о сражающихся армиях, как будто бы не было на свете.

- Мой отец много писал о бабушке, которую он никогда в глаза не видел. Он знал только ее имя - бабушка Мойва. Для него это был некий собирательный образ, - рассказывает Гирш-Довид Катца. - Когда я был маленьким, он часто рассказывал, что бабушка Мойва сказала ему, он слышал ее голос, мудрые слова. Однажды я спросил, почему он ничего не отвечает критикам по поводу книги "Местечко в огне". Отец сказал: "Им ответил бабушка Мойва". Она умерла в тысяча девятисотом году. Меня всегда интересовал этот загадочный, почти мифический человек. Я искал любую вещь, имеющую к ней хотя бы какое-нибудь отношение. Вместе с Петром Ивановым мы обследовали кладбище в Сиври. И как-то же было наше удивление, когда на одной из надгробных плит - мащев мы прочитали имя бабушки Мойвы.

Это было благодарностью за труды, за поиски, за веру.

- Я хочу переиздать книгу "Местечко в огне", - сказал Гирш-Довид Катца. - И фотографии мащевы бабушки Мойвы будут на первой странице.

После смерти отца Гирш-Довид стал писать рассказы на идиш. Надал три книги. Сейчас работает над четвертой. Были попытки писать и модернистские рассказы, но друзья, литераторы, критики единодушно советовали писать книги, основанные на фольклоре, рассказывающие о традиционном еврейском быте. Наиболее известна "Антихассидские рассказы Вильянского края". Кстати, подписывает книги Гирш-Довид Катца псевдонимом Гирш-Довид Меинекс, который взял в память о своем отце.

Он лауреат очень престижной литературной премии имени Ицшка Мангера.

Во время экспедиции тысяча девятьсот девятно второго года Гирш-Довид Катца решил поехать и по другим местечкам Западной Беларуси. Навелася в Сморгонь. Ученый тогда не знал по-русски ни одного слова. Петр спрашивал у людей, как найти еврейское кладбище, что бы мог рассказать о жизни евреев в их городе. Им сказали, что в Сморгони живет одна старая женщина-еврейка, которая знает и помнит про все на свете. Они приехали к ней. Дом бедный, кругом луны, курцы живут в доме, в катухе, под печкой. Гирш-Довид такого раньше никогда не видел. Хозяйка дома говорила на таком сочиве, величезном, неспороченном идиш, что ученый язык не обращал внимания на обстановку, а слушал ее, затан дехание, и боялся, что она остановится и прервет свой рассказ. Женщину звали Эме Цырульнич. Она показывала гостям паспорт. Для них это было полным курьезом, они же не чиновники, им не нужны документы, а Эме Цырульнич считала, что

обязательно должна предвдывать документы. Гирш-Довид провел у нее несколько часов и понял, что его новый проект будет называться "Местечковые евреи Беларуси".

- В Радзюшковичах живет один-единственный еврей Авром-Янкель Берлифанд, - вспоминает Катц свои недавние встречи. - Он напоминает местечковых евреев столетней давности. И манерой говорить, и манерой вести себя. Три раза в день обязательно молится. Молится один. Минуты в местечке нет. Авром-Янкель надевает тришки, тамес и начинает свой разговор с Богом. На большие праздники Авром-Янкель привозит в синагогу в Минск, это в семидесяти километрах от местечка.

Очерки о встречах в белорусских местечках Гирш-Довид регулярно публикует в крупнейшей еврейской газете Соединенных Штатов Америки "Forward". Надеюсь, что в ближайшее время выйдет отдельная книга. Галерея, созданная учеником и писателем Катцем, вероятно, сравнима с галереей такого художника, как Юдель Пан, который всю свою жизнь рисовал портреты евреев "черты оседлости".

Гирш-Довид любит рассказывать о своих встречах.

Думаю, если бы он не стал ученым-филологом и писателем, он непременно стал бы артистом. В всяком случае его умение перевоплощаться можно поизвощать. Рассказывая о встречах, он не только пересказывал слова собеседников, но и демонстрировал их интонацию, жесты, мимику.

- В местечке Мир жила поразительная еврейская женщина. Ее звали Люба. Она была убежденная коммунистка. В молодости вышла замуж за русского парня. Ее мама оплакала все глаза, но дочь говорила только о мировой революции. Ее муж незаметно перешел границу и оказался в Советской России. Его арестовали как польского шпиона и расстреляли. В начале войны Любе предлагали эвакуироваться, но она ушла в лес с партизанами. Всю войну воевала. В начале 90-х годов ее пригласили в Лондон. Там проходил судебный процесс над фашистскими преступниками. Люба была свидетелем. А летом позапрошлого года ее убили прямо в ее домике. Кто это сделал? Почему? Не знаю. Люба жила в бедном домике. Во дворе стояла мацевейка - еврейский надгробный памятник. "Поставь на моей могиле, - говорила Люба, - Жизнь я прожила, как коммунистка, а умереть хочу, как еврейка".

Чем чаще встречался Гирш-Довид Катц с пожилыми местечковыми евреями, тем острее он видел, понимал, какая социальная пропасть лежит между этими людьми и их одноклассниками, живущими в Америке.

- Американский еврей, переживший Катастрофу, получает солидную денежную компенсацию, а еврей из Радзюна Столяр, который два года был узником гетто, до последнего времени даже не знал о существовании такой компенсации. Купить необходимые лекарства для этих людей - проблема, отремонтировать дом - проблема, купить хорошую еду - проблема. В 1998 году я впервые опубликовал в ряде американских газет статьи об этом. Надеюсь, многие американцы обратили на них внимание. Я выступил и продолжал выступать доверенным лицом евреев из Беларуси, которые пережили Катастрофу.

Меерка Столяру летом 1941 года было 29 лет. Он работал кузнецом. Фашисты заточили его в Радзюнский гетто. В мае 1942 года 50 молодых мужчин из гетто повели копаться ямы рядом со старым еврейским кладбищем. Эти ямы должны были стать могилами для узников гетто. Меерка Столяр, увидев момент, ударил немецкого охранника лопатой по голове и бросился убежать. Второй немец пытался его догнать. Меерка вступил с ним в рукопашную и убил противника. Столяр ушел к партизанам, через какое-то время стал командиром отряда. "Сейчас он живет в типичных материальных условиях, и вы скажете, даже в шнурке, - уточняет Гирш-Довид Катц. - Где американские евреи, которые на словах заботятся о своих соратниках?"

Гирш-Довиду Катцу не надо лезть в блокнот, чтобы вспомнить имена, фамилии героев своих очерков. Эти люди стали его друзьями. Он пишет им письма, звонит.

- В Ошмянках живет Белла Делон. Это предвдательница ста-

риной сефардской фамилии Де Лион. В годы войны она была узником гетто, потом ее утаили на принудительные работы. Она получила компенсацию, но мизерную, даже непонятную по западным понятиям - всего 200 долларов. Почему существуют двойные стандарты?

Однажды в Пружанах Гирш-Довид Катц спросил у старого еврея Юдея: "Скажи, сколько денег тебе надо, чтобы ты жил хорошо? купи все, что ты хочешь, и себе, и жене." Юдель долго думал. Потом ответил: "Чтобы жить хорошо, как Ротшильд, я должен иметь сто пятьдесят долларов в месяц для своей семьи".

- Неужели, мои соотечественники а-американцы не могут позволить этим людям хотя бы последние дни своей жизни провести не поиндешски? - спрашивает ученый и отвечает: - Могут, причем не доставляя себе особых хлопот.

Я не спрашиваю у Гирш-Довида Катца, почему заботиться о местечковых евреях-гражданах Беларуси должны их американские собратья? Только потому, что они богатые люди? Потому что должны делать мифу? Или они в чем-то провинились и должны загладивать свою вину?

Не сомневаюсь, ученый понимает, что в первую очередь обеспеченную старость должно гарантировать то государство, на благо которого человек проработал всю свою жизнь. Но как гуманист, он чувствует свою вину, когда рядом есть люди, больные, одинокие, старые. Тем более, что эти люди чем-то напоминают ему отца и персонажей его произведений - жителей Михалашек. И Гирш-Довид Катц старается им помочь.

Сейчас Катц - профессор Вильнюсского университета, преподает фольклор, диалектологию, язык идиш.

- Как вы оказались в Литве? - спрашиваю я. - Кто ваши студенты? Ведь в Литве почти не осталось евреев.

- Сначала я рассказываю про Оксфорд, - отвечает ученый. - Английские студенты, услышав, что я веду занятия по языку идиш, смеялись. Говорили, кому это надо. Мертвый язык. Где сфера применения? Потом стали приходить поинянок, наверное, из любопытства. Приходили евреи и ивреи. Даже больше ивреи приходило. А потом, наверное, им понравился мои лекции. Стало с каждым разом приходить все больше и больше людей. Часто вспоминаю своих первых студентов. Робинсон стала известной идишистской писательницей, она не еврейка, переехала в Америку, вышла замуж за еврея и приняла гиюр. Кристофер Готтен сейчас профессор, преподает идиш.

Несколько лет назад я приехал преподавать в Литву по приглашению Вильнюсского университета. У меня три курса. Первый - введение в ашкеназийскую идишскую лингвистику. Максимум концентрации на культуре литваков, культуре шtetла. Второй курс, который я читаю, - язык идиш, и третий - лингвистика и фольклористика, способы и методы сбора материалов. Среди моих студентов литовцы, немцы и евреи. Два курса я читаю на английском языке, язык идиш - естественно, на идиш.

Каждое лето Гирш-Довид Катц проводит в Литве семинары по языку идиш. Приглашаются те, кто знает, повяит, изучает язык, литературу, фольклор и на профессиональном, и на любительском уровне. Приезжают люди из стран Балтии, Беларуси, Украины, России. Проникла та же история, что и с преподаванием в университетах. Вначале приходилось искать желающих участвовать в семинаре, а сейчас от просьбы отказать нет. Наверное, у Гирш-Довида Катца есть особая притягательная сила.

Вот такой странный человек ездит по городам и местечкам Беларуси. Встречается с покаяными людьми, которые бы и рады поговорить, да не с кем, и просит их:

- Расскажите, вспомните, это очень важно для тех, кто будет жить завтра...

Арвидо ШШЛЬМАН.
Фото автора.